

МАША
ТРАУБ

Читайте книги Маши Трауб

ЛЮБОВНАЯ АРИТМИЯ
О ЧЕМ ГОВОРЯТ МЛАДЕНЦЫ
Я НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНА
ВСЯ LA VIE
СЕМЕЙНАЯ КУХНЯ
ЛАСТОЧ...КА
ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА
НЕ ВСЯ LA VIE
ПЬЯНАЯ СТЕРЛЯДЬ
ТЕТЯ АСЯ, ДЯДЯ ВАХО И ОДНА СВАДЬБА
ДНЕВНИК МАМЫ ПЕРВОКЛАССНИКА
ПАДШАЯ ЖЕНЩИНА
ДОМИК НА ЮГЕ
ОСТОРОЖНО – ДЕТИ! ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ
СОБИРАЙСЯ, МЫ УЕЗЖАЕМ
СОНЯ И АЛЕКСАНДРА
ПЛЮС ОДИН СТУЛ
ЧУЖОЙ
СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ
ИСТОРИИ МОЕЙ МАМЫ
НАША ДЕВОЧКА
ПЛОХАЯ МАТЬ
ШУШАНА, ЖУЖУНА И ДРУГИЕ РОДСТВЕННИКИ
ВТОРАЯ ЖИЗНЬ
ПРОДАЕТСЯ ДОМ С ДЕДУШКОЙ
УВАЖАЕМЫЕ ОТДЫХАЮЩИЕ!
ВТОРОЙ РАЗ В ПЕРВЫЙ КЛАСС
ЛИШНИЕ ДЕТИ
ЛЮБОВЬ СО СТРАННОСТЯМИ И БЕЗ
ВСЕГДА КТО-ТО ПЛАТИТ
МОЯ БАБУШКА – ЛЕРМОНТОВ
НА ГРАНИ РАЗВОДА

МАША
ТРАУБ

На грани развода

Москва
2023

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Разработка серии и оформление обложки:
Александр Кудрявцев, студия графического дизайна
«FOLD & SPINE»

Иллюстрация на переплете *Ирины Ветровой*

Трауб, Маша.

Т65 На грани развода / Маша Трауб. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-113151-7

Любая семья рано или поздно оказывается на грани. Кажется, очень просто перейти незримую черту и обрести свободу от брачных уз. Или сложно и даже невозможно? Говорить ли ребенку правду? Куда бежать от собственных мыслей и чувств? И кому можно излить душу? И, наконец, что должно произойти, чтобы нашлись ответы на все вопросы?

Маша Трауб

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113151-7

© Трауб М., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

День первый

Марина буквально вывалилась из микроавтобуса, нащупала в сумке пачку сигарет, прикурила и с наслаждением затянулась. Два часа поездки по серпантину она выдержала с трудом. Хорошо, хоть Анюта проспала всю дорогу.

— Мам, мы приехали? Мы здесь будем жить? — Семилетняя Анюта оглядывалась по сторонам. Общий двор, большой стол, стулья, скамейки, детская мебель, качели, пластмассовая горка.

— Кажется, да, — ответила Марина.

Отель оказался не «небольшим», как указывалось на сайте, а совсем крошечным. Три номера на первом этаже с выходом во двор. Несколько на втором. Семей на шесть, не больше.

— Приветтики-рулетики! — подбежала к Марине молодая женщина. — Меня Женя зовут. А тебя?

— Добрый день. Марина, очень приятно. И, если можно, на «вы». — Марина не собиралась быть невежливой, но панибратство ее раздражало.

Маша Трауб

— Ой, а у нас тут все на «ты» и все дети общие! Если что, присмотрим за твоей... за вашей... как зовут дочку?

— Дочь зовут Анной. Спасибо, не надо. Я сама за ней присмотрю. — Марина демонстративно отвернулась. Только назойливой подружки ей в первый день не хватало.

— Мы решили, что здесь, то есть на общей территории, во дворе то есть, мы не курим, — продолжала Женя как ни в чем не бывало. — Ну чтобы дети не видели. Понимаете?

Марина повернулась и посмотрела на Женю. Есть такие женщины — вечные веселушки-хохотушки. Непробиваемые и неунывающие. На щеках — ямочки. И круглые глаза с сохранившимся в них непонятно как и почему детским восторгом. Женя не была толстой, как того требовал образ, но лишь в силу молодости — на вид ей было около тридцати. Лет через пять, подумала Марина, она нарастит нужную массу и окончательно оформится в толстушку. Сейчас же она представляла собой сдобную булочку, свеженькую, только из печки, еще упругую и аппетитную. Марина, которая в прошлом году отметила сорокалетие, позавидовала молодости и упругости. Лицо, правда, у Жени было странное — мимически активное. Женя интенсивно морщила лоб, строила гримасы, поджимала и надувала губы, и все это происходило вне зависимости от текста, который она произносила. Говорила Женя тоже забавно,

На грани развода

●

растягивая звуки, тщательно артикулируя, будто рассказывая сказку детям. Марине ее голос напомнил аудиокнигу, которую она слушала в машине, но так и не добралась до конца записи — голос актрисы очень раздражал. Вот и у Жени был такой же голос.

— Вообще-то у нас никто не курит, — сказала эта странная женщина, и ее брови поползли вверх, а уголки губ — вниз. Женя успела еще и причмокнуть и показать, как курит, и замахать руками. Звучало это еще более странно, будто Женя разговаривает с маленьким ребенком, с которым нужно сюсюкаться и все звуки произносить членораздельно.

— Вы логопед?

— Нет, — ответила Женя и показала, как она удивлена.

Марина смотрела заворуженно на весь этот калейдоскоп, состоящий из мимики и жестов. Настроение у нее испортилось окончательно. Перелет был тяжелый — она не любила летать. Не то чтобы панически боялась, не до аэрофобии, но всегда оглядывала очередь пассажиров, выстроившихся на посадку. Если в очереди видела маленьких детей, ей становилось легче. Почему-то она была уверена, что самолет, в котором есть маленькие дети... в общем, должно быть все хорошо. Нет, она не была верующей и даже в тяжелые моменты не обращалась к Богу, но в самолете многие перестают быть атеистами. Да, Марина считала, что какая-то высшая сила должна уберечь маленьких детей от катастрофы.

Маша Трауб

А тут еще она полетела с насморком, и при посадке у нее так болели уши, что она не удержалась и заплакала. Анюта переживала и гладила ее по руке. Потом тоже расплакалась от страха, обычного детского страха. Они ведь всегда ездили семьей, с папой или с бабушкой, и в первый раз поехали отдыхать без них. Так решила Марина. Мужа она поставила перед фактом. Отель нашла в последнюю минуту, за билеты, купленные чуть ли не накануне вылета, переплатила. Марина даже себе не могла ответить на вопрос, с чего вдруг ее понесло в не самое популярное у туристов место. Да еще этот отель... На сайте значилось, что он семейный, и Марина решила, что да, ей нужен именно семейный отель, плохо понимая, что это значит. Но подумала, что там точно должны быть дети и Ане будет не скучно.

— У вас с Гришей что-то случилось? — осторожно спросила Маринина мама, когда она сообщила ей, что они с Аней улетают на море и на дачу, как собирались, не придут.

— Нет, все хорошо. Просто хочется уехать. Побывать с Аней. Нам вдвоем. Не знаю, как объяснить. Я же ее практически не вижу. Школа, продленка, секция. Мне на общение с ней остается или раннее утро, когда я еще говорить не могу, или поздний вечер, когда уже не могу. Выходные с ней Гриша проводит. Им хорошо вместе, а я вечно все порчу. То попкорн в кино запрещаю Ане есть, то гулять в парке подолгу не хочу. Им вдвоем весе-

На грани развода

лее, без меня. Мне кажется, я ее упускаю. Прости, что не приедем к тебе. Я устала, если честно.

— Ты имеешь на это право, — сказала мама.

Марина так и не поняла, на что имеет право — на то, чтобы уехать с дочерью, на запрет попкорна, на усталость или на то, чтобы не ехать на дачу.

— Просто тебе нужно поменять обои перед глазами. Так бывает, — продолжала мама, — ни с того ни с сего. Так кажется. Просто копится долго и вдруг прорывает. Я тебя прекрасно понимаю.

— Вряд ли...

— Знаешь, после чего я рассталась с твоим отцом?

Марина редко разговаривала с матерью вот так, по душам. Обычно их беседы сводились к очевидному, давно отработанному сценарию: как себя чувствуешь? Деньги есть? Лекарства привезти? Нет? Прости, приехать не смогу. Дела. Нужно еще Аню к зубному отвезти. И... много дел в принципе. Нет, на дачу точно не получится. Что там делать? Друзей у Ани там все равно нет. Ей станет скучно уже на следующий день. Нет, мы не будем сидеть в Москве.

— Ты рассталась с папой после того, как он нашел себе любовницу, — ответила Марина. Каждый год мама ждала их с Аней на даче. Каждый год Марина придумывала миллион причин, чтобы не ехать. Когда она была маленькой, то очень любила это место. И озеро, и лес. И ходить с отцом за грибами и ягодами. С тех пор как

Маша Трауб

родители развелись, Марина не могла себя заставить ездить на дачу, которую папа разделил «по-честному» — маме оставил большой дом, а себе гостевой. На участке вырос забор в том месте, где его не должно было быть в принципе. Маму не смущало присутствие посторонних людей за забором — сначала бывшего мужа с любовницей, ставшей женой, потом родственников этой жены. А Марину смущало, и даже очень. Поэтому она и не ездила. И Аню не отпускала, чтобы избежать объяснений. Хотя мама каждый год уверяла, что отец будет только рад повидать внучку. Но Марина знала — мама с ним не общается много лет, и с чего вдруг отец будет рад видеть внучку, которую видел один раз в жизни? Марина просто приняла тот факт, что ее родители живут через забор друг от друга, видят друг друга в щели и ни здрасьге, ни до свидания. Сколько так продолжается? Последние лет двадцать точно.

Аня про дедушку ничего не знала. Отец Марины видел внучку на выписке из роддома, куда привез букет лилий, которые Марина ненавидела и тут же, при отце, выбросила в мусорный контейнер. Он пытался сунуть ей конверт, явно с деньгами, но она отвернулась и не взяла. Видела, что конверт взяла мама. Потом привезла в подарок коляску, купленную на эти деньги. Марина передала коляску многодетной семье, жившей этажом ниже. Она так и не смогла простить отца, единственного в жизни мужчину, которого любила и который так под-

На грани развода

вел, разрушив сразу три жизни — жены, дочери и внучки. В одно мгновение он перестал быть мужем, отцом и дедом, просто потому что захотел сыграть эти роли «набело», с другой женщиной.

Мама прекрасно знала, что Марина не приедет на дачу и не привезет Аню. Но каждый сезон упорно готовилась к их приезду — сажала цветы, отмывала дом, вешала новые занавески, присылала фотографии цветущего куста жасмина, посаженного годом раньше в рамках подготовки к приезду.

— Мам, я не могу! — уже открытым текстом кричала Марина. — Не могу туда ехать! Физически!

— Ну, может, на следующие выходные? Там сейчас тихо, никого нет. — Мама ее не слышала.

«Там» — это на другой половине участка. Марина вообще не понимала, почему мама согласилась на такой размен, с ее точки зрения чудовищный, пошлый и аморальный. Она вообще не понимала, как мама может с этим жить. Она бы не смогла точно.

— Это да, но не любовница стала основной причиной, — неожиданно заметила мама.

— А что тогда? — Марине даже стало интересно. Мама, как ей казалось, отнеслась к разводу, мягко говоря, категорично, решив для себя, что теперь уже бывший муж, отец ее единственной дочери, умер. Она и вела себя как профессиональная вдова. Отца вспоминала всегда с теплотой и строго в прошедшем времени. Дурного

Маша Трауб

слова про него не сказала. Разве что «пусть земля ему будет пухом» не добавляла. И мужчина за забором был ей абсолютно чужим человеком. Посторонним. И она искренне не понимала, почему ее уже взрослая дочь так страдает. Разве можно столько времени страдать и из-за этого не приезжать на дачу?

— Сосиски, — сказала мама, — сосиски стали последней каплей. Я очень любила сосиски. Даже те, которые на вокзалах продавались. С горчицей. Я купила сосиски на ужин. Твой отец поставил их вариться. Съел четыре штуки, а мне оставил две. Да и те — в воде. Они остыли и размокли. Я стояла над кастрюлей и не понимала, как он мог со мной так поступить. Мало того, что оставил мне всего две сосиски, да еще и в воде. Понимаешь?

— Да, мам, — ответила Марина, хотя не понимала, как могут сосиски привести к разводу. — Я тебе напишу, как мы доберемся до гостиницы.

— Отдохни там, развейся, — пожелала мама, но очень, как бы это сказать, по-светски, неискренне.

Марина задумалась. Если посмотреть с другой стороны, у ее матери были сосиски, после которых понимаешь, что все, это конец, а у нее футболка с пайетками. Пришла такая мода — в магазинах стало невозможно найти футболку для девочки, которая не была бы вышита дешевыми пайетками. Если провести рукой по вышивке, пайетки меняли цвет и рисунок. Маринина ма-

На грани развода

ма подарила внучке такую пайеточную подушку — проводишь рукой, и подушка в форме сердца меняет цвет. Можно написать что-нибудь или нарисовать. Аня сидела и вместо уроков могла рисовать на этой подушке цветочки и выписывать буквы. Марина взяла подушку и тоже не могла оторваться — проводила рукой по пайеткам и наблюдала, как под светом настольной лампы на потолке появляются рисунки.

Потом она купила Ане футболку с пайетками и еще одну майку — с длинными рукавами. На этом решила остановиться. Аня от блесков просто впадала в ступор. Да еще и все подружки, которых она встречала на улице, проводили пальцем по ее груди, разглядывая, какой получится рисунок. Марина не хотела, чтобы ее дочь трогали все встречные и поперечные.

Аня с отцом пошла в кино — традиционный воскресный день — и вернулась совершенно счастливая. Гриша купил дочери блокнот с обложкой из пайеток, пенал, две футболки и толстовку. И все — в пайетках. Особенно Марину потряс выбор футболки — сверху кошачья морда, а внизу — русалочий хвост, который менял цвет с синего на зеленый. Марина заплакала. Сочетание кошачьей морды с рыбьим хвостом ее убило. И да, именно эта футболка стала последней каплей, после которой Марина нашла семейный отель и заказала билеты. Гриша спрашивал, почему она вдруг решила сорваться, но Марина не могла объяснить мужу, что все из-за футбол-

Маша Трауб

ки и этих пайеток, которые она находила везде — в ванной, в стиральной машине, в кровати. Как не могла объяснить, почему ей плохо.

Последний месяц она выживала, держалась «на зубах» — ее тошнило, кружилась голова, не было никаких сил. Утром она с трудом отводила Аню в школу. Раньше ей нравилось выходить рано утром и не спеша возвращаться домой. Она обходила школу, спускалась к реке, быстрым шагом шла по набережной и поднималась по крутой лестнице уже другим человеком. Ей нужны были эти личные утренние сорок минут — отдышаться, привести себя в форму. Но даже такую маленькую радость, удовольствие — дышать, когда воздух еще относительно чист, ловить ощущение, что хочется жить, Марина больше не испытывала. С трудом заставляла себя разлепить глаза, заплести Ане косы, накинуть на себя старую куртку и доползти до школы, а потом бегом назад, домой, успеть выпить кофе.

Она взяла на работе отпуск, впервые за последние три года. Смотрела утренние новости, повторы сериалов и понимала, что ей так плохо, как не было никогда. Она будто все время находилась внутри стиральной машины и ее выполаскивало, выжимало, замачивало в режиме тысячи оборотов. Марина сходила к врачу, который посоветовал отдых и прописал витамины. Ее продолжало крутить. Она вдруг поняла, что не хочет так жить дальше — с Гришей. Вставать каждое утро по бу-

На грани развода

дильнику, возвращаться вечером в семь, ехать на работу, спрашивать, что Аня ела в школьной столовой и сделала ли уроки на продленке. Врач допытывался, что именно вызывает тошноту — запахи, еда? Марина не смогла признаться — тошноту вызывает сама жизнь. И Гриша. И пайетки. А еще — семейный отдых, спланированные выходные на два месяца вперед, расписанная по графику жизнь.

Врач посоветовал поехать на море, и Марина ухватилась за эту идею. Да, она уедет. С Аней. Без мамы, которая обидится. Без Гриши, который сначала промолчит, но потом будет выспрашивать у нее, почему она поступила так, а не эдак, и все это превратится в нескончаемый допрос с пристрастием. Разве что лампой Гриша не будет светить ей в лицо и мучить вопросами, догадками, версиями. Он будет обижаться, молчать, обвинять, искать виноватых, прощать, чтобы через минуту снова зайти на тот же круг. И так каждый день. Гриша... неужели она его когда-то любила? Обычно мужчины признаются, что с облегчением уходят утром на работу и не спешат вернуться домой вечером, потому что дома пилит жена, надо зайти по дороге в магазин и вообще есть целая куча прочих дел. Марина винила себя в том, что она неправильная жена и мать. Ей тоже не хотелось возвращаться домой, где, как это ни смешно, ее никто не ждал. Даже Аня, которая умела себя занять. А если Марина звонила дочери и сообщала, что немного задер-

Маша Трауб

жится, потому что зайдет в магазин, дочь просила купить шоколадное яйцо или мармелад в форме мишек. В этом случае она ждала маму. Гриша по вечерам садился работать, как он говорил, «во вторую смену». У них давно сложились разные графики жизни. Марина рано засыпала и рано вставала. Гриша мог проспать до одиннадцати и работать до двух ночи. Марина опять погружалась в стиральную машину. Ее рвало, тошнило, кружилась голова, пульс зашкаливал, давление было ниже всякой нормы. Врач сказал, что у нее депрессия, и это лечится. И надо бросить курить конечно же. Здоровое питание, умеренные физические нагрузки, не нервничать.

* * *

Серпантин. Марину тошнило, уши закладывало, голова болела уже нестерпимо. Марина любила водить машину, рано села за руль. Но серпантины ей давались с трудом, несмотря на солидный водительский стаж. Это тоже было связано с Гришей. И мамой. Аня тогда была маленькой, только исполнилось два года. Они поехали отдыхать всей семьей на море. Марина взяла маму, чтобы помогала с Аней. Они поехали в местный зоопарк, чтобы показать девочке зверей. Марина была за рулем, Гриша сидел рядом. На заднем сиденье — мама с Анечкой. Машина заглохла на серпантине. Марина покрылась липким потом. Ей стало страшно, как в тот

На грани развода

●

день, когда она в первый раз не сдала на права, застряв на эстакаде. Ровно в том же положении — при въезде на гору. Марина слышала, что ей сигналият сзади, но не могла завести машину — руки тряслись. Анечка расплакалась, а Гриша начал смеяться:

— Если Елена Ивановна выйдет из машины, мы быстро поднимемся в гору.

Да, Маринина мама тогда была грузной. Даже очень. Мама пила таблетки, сидела на диете, но никак не могла справиться с гормонами и щитовидной железой, которая требовала наблюдения врачей.

Мама не слышала, что сказал зять. Или слышала, но сделала вид, что не слышит. У них с Гришей и без того были прохладно-вежливые отношения. А Марина на Гришу обиделась. Каким-то чудом ей удалось завести машину и вырулить. Она тогда не курила — бросила, когда узнала, что беременна Аней, и спокойно держалась после родов. Даже позывов взять сигарету не возникало. Но когда они доехали до зоопарка, Марина вывалилась из-за руля, нашла ближайшую курилку и попросила сигарету с зажигалкой у таксиста. Она выкурила крепкую сигарету, закашлялась, поперхнулась дымом, чуть не грохнулась в обморок, но успокоилась. С тех пор она курила и не собиралась бросать.

В зоопарке, где можно было кормить зверей, Аня испугалась уже на входе, у клетки с кроликами. Марина тоже терпеть не могла всяких зайцев, хомяков, шин-

Маша Трауб

шилл, а у дочки неприятие животных и страх перед ними только закрепились. От собак Анюта в испуге шаркалась, к кошкам испытывала легкую неприязнь. Даже повзрослев, Аня не стала спокойнее. Могла расплакаться от собачьего лая, отказывалась ездить в лифте в компании даже с самой маленькой собачонкой, которая сидела на руках у хозяйки. Девочка не гладила кошек, не кормила голубей хлебом и не восторгалась уточками на пруду в парке. Пони, лошади? Нет, дочь никогда не просилась покататься, хотя все дети выстраивались в очередь, чтобы сделать круг на старом пони Геракле, который был таким же неизменным атрибутом их парка, как главная кормушка для белок.

Марина даже подумывала завести какое-нибудь домашнее животное, чтобы Аня научилась справляться с эмоциями и перестала застыть на месте, едва увидев вдалеке собаку. Хотя, когда Аня отказывалась заходить в лифт с псом, вернувшимся после вечерней или утренней прогулки, да еще во время дождя, Марина прекрасно понимала дочь. Собаки воняли нестерпимо. Марина, чувствительная к запахам, ощущала, как подступала тошнота — именно на запах мокрой псины особенно остро реагировал желудок. Да еще Гриша купил себе парфюм, дорогой и модный. Но для Ани это был песий запах. Она сказала мужу, что его новый аромат не очень ей нравится, а Гриша обиделся и долго допытывался — почему не нравится? Может, у нее есть ассоциации?

На грани развода

— Ты сейчас намекаешь на прошлое? — устало повторяла Марина. — Нет, просто мне не нравится запах.

Гриша не верил: всем нравится, а ей нет?

Тогда, после зоопарка, остаток отпуска прошел сложно. Анята обгорела, капризничала, отказывалась есть и спать. Мама тоже обгорела и страдала, решив демонстративно сесть на диету. Гриша уходил плавать два раза в день. Подолгу. Ходил загорелый, довольный и бодрый. Марина металась между дочкой и мамой, и, наверное, тогда произошел первый надлом. Ей перестал нравиться Гриша. Нет, ничего явного, он оставался заботливым отцом и мужем — бегал в аптеку, за продуктами, играл с Анейкой, справлялся о здоровье тещи. Но то неосторожное замечание в адрес матери Марина не могла выбросить из головы. Так бывает — засело и не выбьешь. Да даже не в этом дело. У Марины именно тогда открылись глаза: они с Гришей жили на параллельных прямых, не пересекаясь.

Гриша считал, что Анею нужно заставлять заходить в море, Марина была убеждена — лучше подождать, не давить, не доводить до слез и еще одного страха. Марина считала, что можно обойтись без обеда, зато приготовить вкусный ужин, Гриша же предпочитал плотно обедать и не ужинать. И таких мелочей набиралось много, по чуть-чуть, по капле, как из протекающего крана. Звать сантехника вроде бы рано, можно поплотнее, с усилием, закрутить кран, и вроде бы временно не бу-

Маша Трауб

дет капать. А потом поменять прокладку, сэкономив на смене сифона. Еще на пару месяцев хватит, а там видно будет. Вот и Марина стала проживать свою семейную жизнь по такому же принципу — меняя прокладки, закручивая, завинчивая, оставляя тряпку, чтобы влага впиталась. И только в последний год она поняла, что ее жизнь, ее брак уже никак не заклеить и косметический ремонт не спасет — проще все снести и построить заново. Она вглядывалась в лицо Гриши и удивлялась — его все устраивало, он ничего не чувствовал, не видел, что она раздражена, расстроена, не находит себе места. Да, он знал, что жена плохо себя чувствует, но списывал все на атмосферное давление, обещанные Гидрометцентром перепады температур и обычную усталость. Даже скоропалительный отъезд, можно сказать бегство, Гриша воспринял спокойно. Не удивился.

Сейчас, стоя во дворе семейного отеля, Марина отчетливо вспомнила тот отпуск. Стоило уйти еще тогда, когда было не так страшно, когда маленькая Аня много не понимала. С каждым годом ломать жизнь становится все страшнее и больнее — Марина это точно знала на собственном примере. Ее стало мутить от сигареты. Одно ухо так и оставалось заложенным. Она хотела снять с себя футболку, пропитавшуюся потом, джинсы, прилипшие к ногам, смыть под горячим душем часы перелета и надеялась, что хоть номер окажется приличным и ей не придется скандалить и переселяться.